

Е. Б. ТОЛМАЧЕВА

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: timmto@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8715-359X

ОСОБЕННОСТИ ФОТОДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА РАСКОПОК НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ ЕЛИСЕЕВИЧИ 1. ОПЫТ АНАЛИЗА ВИЗУАЛЬНЫХ ДАННЫХ*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена коллекции фотонегативов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, на которых зафиксирован процесс раскопок палеолитической стоянки в деревне Елисеевичи Жирятинского района современной Брянской области в 1935–1936 гг. Уделено внимание процессу ее создания, истории отдельных документов и методам архивации материалов. Коллекция оценивается с точки зрения технических особенностей ее формирования и сохранности, анализируется

ее информативность для научного исследования. Визуальные данные, которые можно извлечь из фотографий, сопоставляются со сведениями полевой и музейной документации и дополняются из них информацией о находках. В качестве сравнения параллельно коллекции МАЭ РАН рассматриваются фотодокументы и сопроводительные данные по раскопкам памятника Елисеевичи 1 из Центрального научного архива НАН Беларуси, что позволяет установить уровень ценности фотоматериалов 1935–1936 гг. для науки.

Ключевые слова: визуальная антропология, источниковедение, археологическая фотофиксация, методика фотосъемки, фотоархив.

Е. В. TOLMACHEVA

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya Naberezhnaya, 3, 199034, St. Petersburg, Russia
E-mail: timmto@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8715-359X

PHOTO DOCUMENTATION OF THE EXCAVATION PROCESS ON THE PALEOLITHIC SITE OF ELISEYEVICHI 1. EXPERIENCE OF THE ANALYSIS OF VISUAL DATA**

ABSTRACT

The article is focused on analysis of a photonegative collection housed in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS.

The collection visualizes the excavation process of the Upper Paleolithic site of Eliseyevichi 1 (Zhiryatinsky district, Bryansk region) conducted in 1935–1936.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00688.
** Funding: The reported study was partially supported by RFBR, research project No. 18-09-00688.

The paper presents the history of the photo collection including process of its creation and museum storage period. The methods of the collector, circumstances of the collection creation and its archiving were analyzed and informative value of the collection for archaeological studies was estimated. The visual documents were compared with the field diary data. Special attention was given to the technical features referable to the process of creation and preserva-

tion of the collection. The examples of extraction of archaeological meaningful data from the field photographs are given in the paper. The comparison of the MAE RAS photo collection with visual and other documents on the Eliseyevichi 1 excavation housed in the Belarusian Academy of Sciences archive demonstrate the importance of photo materials of 1935–1936 which defiantly add to our understanding of the archaeological context of the site.

Key words: visual anthropology, source criticism, archeological photofixation, photography technique, photo archive.

ВВЕДЕНИЕ

Основным предметом рассмотрения в статье стала археологическая фотоколлекция из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Она хранится в фондах музея под номером МАЭ И 792 и состоит из 210 стеклянных негативов, на которых зафиксирован процесс раскопок палеолитической стоянки в деревне Елисеевичи Жирятинского района современной Брянской области в 1935–1936 гг. Исследовательские работы в 1935, 1936, 1946, 1948 гг. проводил Константин Михайлович Поликарпович, открывший данный памятник в 1930 г. [Хлопачев, Полковникова 2017: 4; Хлопачев 2006: 135]. Экспедиция финансировалась Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР, который существовал на базе музея в 1934–1937 гг., поэтому находки и документация в течение 1935–1937 гг. поступили именно сюда.

Фотодокументы, представляющие работу на стоянке Елисеевичи 1 в послевоенные годы, были переданы на хранение в архив Института истории АН БССР. Они привлекаются дополнительно, для сравнения с имеющимся в нашем распоряжении визуальным материалом по раскопкам памятника, равно как и другие фотоматериалы из этого архива, касающиеся палеолитической стоянки Юдиново (Погарского р-на Брянской обл.). Подобные параллели, на наш взгляд, важны в работе исследователей по изучению памятников.

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ПО РАСКОПКАМ ЕЛИСЕЕВИЧИ 1 В МАЭ РАН

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится документ 1938 г., в котором сформулирована настойчивая просьба дирекции МАЭ к К.М. Поликарповичу сдать в десятидневный срок сопроводительные документы к материалам раскопок [Записка Поликарповичу 1938: 128]. Однако исследователь сдавать их не спешил, при том что работы проводились по заданию музея и на его средства. Этот малозначительный, на первый взгляд, документ, как станет ясно ниже, сыграл большую роль в судьбе коллекции.

После передачи находок и сопроводительной документации в МАЭ К.М. Поликарпович несколько последующих лет занимался их обработкой. В 1938 г. исследователем была сделана опись фотоматериалов. Запись в книге поступлений и опись свидетельствуют о том, что музей принял 210 негативов. Однако в 1940 г. по неизвестной причине в опись самим собирателем были внесены еще три негатива. Возможно, исследователь проводил обработку материалов и нашел неучтенные изображения. Однако эти негативы в МАЭ не поступили. С негативов имеется большое количество разновременных отпечатков, многие изображения представлены в нескольких дублях, самые ранние наклеены на паспарту. Это свидетельствует об интересе исследователей к коллекции, так как фотографии изготавлива-

лись для работы. Однако официально отпечатки в фонде не зарегистрированы и, таким образом, не являются предметом хранения. Следует отметить, что изображения с трех негативов, внесенные в опись в 1940 г., сохранились в виде отпечатков и их содержание нам известно.

К коллекции сопроводительных документов прилагается два полевых дневника К.М. Поликарповича, в которых описываются общий ход раскопок, находки, сопроводительная информация, а также, что наиболее интересно в нашем случае, в тексте имеются сведения о проводимой фотосъемке.

Учет отснятых фотографий велся достаточно исправно, хотя зачастую и без особых подробностей. Судя по количеству упоминаемых в дневниках снимков, большая их часть (за незначительным исключением) попала в музейную коллекцию. Исследователь записывал содержание и число экспонированных негативов, иногда отмечая размер пластины. В ходе работ автора в ЦНА НАН Беларуси были обнаружены, как минимум, две фотографии предположительно из этого же комплекса довоенных исследований. Возможно, они не были присоединены к основной коллекции из-за их содержания, которое не имеет прямого отношения к раскопкам и памятнику.

Несмотря на то что описания негативов в музейной описи, сделанные собирателем, можно считать удовлетворительными, следует отметить, что они не всегда соответствуют записям в полевом дневнике. Нередко описания более кратки и формальны и не отражают всей информации, а также обстановку, в которой проводилась фиксация. Так, например, в музейной документации отсутствуют следующие записи:

- «Сделан снимок с первого черепа квадрат В-2 снятого мною с места (часть альвеолы *maxillae*, прилегающие ячейки черепа). Снимок сделан с северо-восточного угла раскопа. В его поле попали бивень с 42 нарезками и также целиком вся „стена“, квадраты Б-1, Б-2».
- «С юго-запада: общий вид с упором на крайний с запада череп Г1-Г2, в центре Г.Н. Гапоненко, снято с юго-запада».

- «После съемки черепов на площади раскопа остались кости на кв. Г2, кости „стены“ и прилегающие к ней с юга частей квадратов Б1 и Б2 и группа бивней. Группа замерена и сфотографирована».

- «Сделаны перед обедом и после обеда фотографии квадратов: 2 с севера, два общих снимка. С северо-запада со всеми работающими (12 человек), с северо-востока без работающих, с рулеткой поперек стен» [Поликарпович 1935: 40, 56, 64; Поликарпович 1936: 51].

Следует отметить определенную бессистемность архивации материалов при регистрации в музейную коллекцию. К.М. Поликарпович не сохранил порядок создания негативов, то есть не отразил последовательность проводившейся работы. Начинается опись с материалов 1936 г., со 130-го порядкового номера собиратель переходит к изображениям 1935 г. Последние 32 изображения зарегистрированы и вовсе чересполосно по нескольким изображениям за один год. Соответственно, в описи отсутствуют как точные даты съемок (хотя они были известны), так и фамилии фотографировавших. Можно предположить, что в процессе фотоработы, кроме записей в дневниках, на самих негативах не проставлялись никакие идентификационные пометы. Если корреляции материалов не проводилось, при регистрации в музейный фонд исследователь описывал содержание по изображению, а не в соответствии с письменными пометами, так как не мог сопоставить полевые записи с визуальными данными из-за отсутствия простейших архивационных привязок. Поэтому и описания, приведенные в документах, получились формальными и не полностью отражающими всю имевшуюся в дневниках информацию. Отсюда может проистекать и недоверительность некоторых атрибуций и описаний. То, что в ходе фотофиксации раскопок не проводилась предварительная архивация пластин, является серьезным методическим недочетом.

Так, например, в описи мы находим сведения о том, что негатив МАЭ И 792-29 был изготовлен одновременно с негативами МАЭ И 792-33, И 792-50, И 792-77, причем в отдельных случаях

.....
Рис. 1. Снимок с востока по границе квадратов 16–13 (слева) и 12–9 (справа). Снимок аналогичный изображениям № 173, 208. Снимки № 149, 161, 173, 208 — одновременны. 1935. МАЭ И 792-161*

Fig. 1. The Frame is made from the east on the border of the grids 16–13 (on left) and 12–9 (on right). Snapshot is same of the images № 173, 208. Frames № 149, 161, 173, 208 are simultaneous. 1935. MAE И 792-161

еще имеется помета «вероятно». Негатив МАЭ И 792-122 отмечен как продолжение изображения с негатива МАЭ И 792-94. (рис. 1; рис. 2) Аналогичные описания, например, имеют негативы: МАЭ И 792-173, МАЭ И 792-160 и др. [Опись коллекции...1938: 10].

Поскольку регистрация негативов была произведена с нарушением хронологического порядка, последовательность создания изображений можно установить только при хорошем знании памятника, сравнивая при этом изменения его состояния с записями в дневнике.

В ходе работы с коллекцией нами также были обнаружены авторские переатрибуции фотодокументов. На ряде конвертов, в которых хранятся негативы, рукой К.М. Поликарповича сделаны комментирующие и дополняющие записи. Коллекционные негативы хранятся в трех видах конвертов. Все имеющиеся пометки сделаны на конвертах с вертикальным вложением, имеющих специальный штамп-форму для архивационных записей. Появление дополнительных комментариев, видимо, свидетельствует о повторной обработке материалов исследователем,

.....
Рис. 2. Снимок с востока на запад по границе квадратов 16–13 (слева) и 12–9 (справа). Одинаковые снимки под № 161 и 208. Снимки № 173, 149, 161, 208 одновременны. 1935. МАЭ И 792-173

Fig. 2. The Frame is made from the east to the west on the border of the grids 16–13 (on left) и 12–9 (on right). Snapshots № 161 and 208 are identical. Negatives № 173, 149, 161, 208 are simultaneous. 1935. MAE И 792-173

* Здесь и далее все подрисуночные подписи даны по описи коллекции МАЭ И 792.

так как в одних случаях они расширяют сведения из музейной описи, в других несколько их изменяют (табл. 1).

К.М. Поликарпович зарегистрировал в музейную коллекцию некоторое количество изображений, которые сам помечал как «неудавшийся, или испорченный снимок» (см. например, номера: МАЭ И 792-3, МАЭ И 792-48 и др. [Опись коллекции...1938: 1, 3]). Не исключено, что исследователь просто не смог атрибутировать эти изображения, но отказаться от них не пожелал. Последнее предположение связано с тем, что качество съемок в целом достаточно низкое и некоторые снимки, помеченные собирателем как неудачные, мало отличаются от многих других негативов, которые автор счел «удовлетворительными» [Поликарпович 1936: 12] (рис. 3).

Музейная коллекция негативов представлена на стеклах двух размеров: 9 × 12 см — 34 ед. и 10 × 15 см — 176 ед. Степень сохранности у них разная, встречаются варианты механических и химических повреждений: некоторые стекла разбиты на две или три части или имеют отбитые углы. Отдельные поврежденные пластины смонтированы по стандартной технологии между двумя стеклами и обклеены по периметру черной бумагой. В некоторых случаях имеется добавление клея для закрепления разбитых частей на фиксирующих стеклах. Значительное количество механических повреждений также может свидетельствовать о том, что коллекция часто запрашивалась исследователями. Необ-

ходимо отметить и плохую сохранность светочувствительного слоя, связанную с различными деградационными процессами, что выражается в выступании серебра, выцветании, изменении цвета, растрескивании и отслоении светочувствительного слоя от стекла. Это может свидетельствовать как о неудовлетворительных условиях хранения, так и (в большей мере) о плохой промывке и фиксации. Послесъемочная обработка проводилась в полевых условиях (об этом есть записи в дневнике 1936 г.) [Поликарпович 1936: 11–12, 16], повторная же обработка в профессиональной лаборатории проведена не была.

На сегодня нерешенным остается вопрос о том, сколько фотоаппаратов использовалось для съемки. Уточнение данного факта было бы немаловажным для понимания методов и подходов к фотоработе в экспедициях. Можно предположить, что использовались две камеры, так как в коллекции представлены негативы двух размеров. В камеру формата 9 × 12 см вставить негатив большего размера нельзя, а для того, чтобы в камеру формата 10 × 15 см поместить негатив меньшего размера, нужно сооружать дополнительные конструкции для крепления. Определить камеру, применявшуюся в 1930-е гг., в которой было бы заложено использование двух форматов, не удалось. К тому же при имевшейся тогда фототехнике формат 10 × 15 см встречался редко. В дневниковых записях наличие двух камер проследить не удалось, а на ряде негативов, независимо от их раз-

Таблица 1. Пример сравнения информации из коллекционной описи и кратких надписей на упаковочных конвертах негативов

Номер	В описи	На конверте
МАЭ И 792-11	Общий вид кострища северной части раскопа № 2 во время работы. Снято с юга.	Вид северной части раскопа в начале разборки культурного слоя. Снято с S.
МАЭ И 792-14	Общий вид с юго-востока «хода» и пробного шурфа, заложенного по окончании разборки раскопа № 2.	Общий вид всего раскопа 1936 г. с SO. На снимке видны северная (справа) и северная (слева) стенки раскопа, «ход в жилье»; на заднем плане — колхозный сарай.
МАЭ И 792-98	Северная часть раскопа № 2. Снято с севера по границе квадратов 12, 19, 26, 33, 40 (слева) и 11, 18, 25, 32, 39 (справа).	Деталь из северной части раскопа: часть позвончика с несколькими ребрами. См. № 60.

мера, присутствуют похожие дефекты в виде засвеченных полос. Кроме того, негативы имеют по периметру черное поле разного размера и формы. Есть и другие моменты, которые не позволяют однозначно решить вопрос о типе применявшейся фототехники.

В ряде случаев в дневниках имеется информация о параметрах съемки. Например, указано время суток или конкретный час, когда сделан кадр, есть пометы, что сюжет снимали «с сильным диафрагмированием» [Поликарпович 1935: 32]. Остается сожалеть, что такие подробные данные приведены лишь в нескольких случаях. Исследователь либо забывал записать параметры, либо не знал их, так как не всегда снимал сам, иногда в отмеченных случаях, возможно, его особо беспокоило качество съемки и ее результат.

Важно, что фотоработами в экспедиции занимались несколько человек. Так, в дневниках упоминаются два участника раскопок, которые в разное время либо помогали К.М. Поликарповичу, либо же сами фотографировали и проявляли негативы [Поликарпович 1936: 12, 16]. Подобный подход следует признать неправильным. Фотосъемкой и проявлением должен заниматься один человек как для контроля качества съемки, обработки фотодокументов и устранения ошибок в параметрах работы, так и для архивации изображений, особенно если фотосъемка все же проводилась на одну камеру.

Как уже отмечалось выше, технический уровень фотосъемок невысок. Из всех 210 негативов музейной коллекции менее половины имеют относительно хорошее качество. Во многих случаях материалы не в фокусе, что особенно заметно при увеличении изображений на экране монитора. Это удивляет, так как в работе использовался штатив и при этом фиксировались статичные объекты. Фотоаппарат на штативе достаточно четко просматривается на тенях, которые он отбрасывал в раскоп в момент съемки. Почти все изображения недодержаны в темных участках или передержаны в светах, несмотря на то что съемки проводились под открытым небом, в условиях юга, где должно быть достаточно света и к тому же можно выбрать

Рис. 3. Испорченный снимок. 1936. МАЭ И 792-92
Fig. 3. The fail frame. 1936. MAE И 792-92

наиболее удобное время для фиксации. В дневнике есть запись о том, что в описанном случае (а возможно, и чаще) использовалась выдержка на треть больше, чем рекомендовалось по автофотометру. Для определения экспозиции съемки использовался специальный прибор — автофотометр «Митгол» с прилагаемыми к нему таблицами [Поликарпович 1936: 45].

На многих изображениях идут засветы в виде одной или нескольких полос, что может свидетельствовать о дефекте камеры. Аналогичные дефекты встречаются на материалах обеих экспедиций. Возможно, приобрести другой фотоаппарат было сложно. То, что камера неисправна, пишет и сам К.М. Поликарпович. Буквально в первый же день съемок 1935 г. он обнаружил поломку: «27 августа. Около 10.30 начали фото-

графирование по квадратам. Одна кассета очень плохая, выбрасывает пластинку, это привело к прорыву меха гармошки [вычеркнуто в источнике. — *Е.Т.*], что было обнаружено приблизительно на 15–20 снимке около 18 часов. Пришлось все бросить. Поправил фотоаппарат» [Поликарпович 1935: 19].

Ряд других дефектов может объясняться также непрофессионализмом или эффектом вуалирования краевого типа, когда при проявлении чернеет фотографический слой на фрагментах, на которые при экспонировании не попал свет. Особенно это характерно для материалов с повышенной светочувствительностью при долгом проявлении истощенными составами или при нарушении температурных и влажностных условий.

Вероятно, многие недочеты фотосъемки и архивации можно объяснить и тем, что К.М. Поликарпович относился к фиксации как к ненужной дополнительной работе, не считая ее важной. Кстати, плохое качество съемки в довоенный период не было редкостью. В качестве примера можно привести хранящуюся в МАЭ коллекцию негативов, созданных при раскопках Оленеостровского могильника (МАЭ И 1886, 1937 г.).

По-видимому, существовало гласное или негласное требование проведения съемки, а исследователи не только не умели фотографировать (при том что в рассматриваемый период технология фотосъемки была еще довольно сложной и трудоемкой), но и не видели возможностей дальнейшего использования ее результатов. Бесспорно, работа осложнялась и отсутствием подробной методики фиксации в ходе полевых раскопок.

Говоря о правилах фотосъемки, следует сделать небольшое отступление и отметить несколько важных моментов. В 1932 г. вышла монография Н.П. Тихонова по методике археологической фотофиксации [Тихонов 1932]. Ее автор акцентировал особое внимание на том, что его методика — первая. Однако известно, что различные рекомендации по фотоработам на отдельных видах археологических памятников существовали и ранее (например: [Дудин 1923]), Н.П. Тихонов, по-видимому, не был знаком с этими трудами.

Упомянутая работа дает ряд ценных инструкций по съемке определенных видов объектов, особо отмечая, что фотография есть средство для фиксации состояния и расположения объектов [Тихонов 1932: 9]. Однако сам автор идет по тому же пути, что и более ранние фототеоретики. В качестве достойных фотографирования археологических памятников он признает различные находки, манускрипты, древние строения внутри и снаружи и к этому стандартному списку добавляет только пещеры и разрезы почвы. В работе приводятся даже некоторые методические основы того, как должен выглядеть правильный археологический снимок и как следует проводить фотоработы на раскопках, на основании правил, выработанных международным фотоконгрессом 1910 г. в Брюсселе. Однако все это очень общие указания, без приведения конкретных примеров. Таким образом, в рассмотренной методике нет самого главного — описания фиксации процесса раскопок, самого раскопа, предметов *in situ*, не хватает рассмотрения возникающих ситуаций и вариантов их решения. Можно предполагать, что автор не имел опыта подобных фоторабот, который и мог бы проанализировать. Одновременно следует отметить, что в книге присутствует очень важный момент: автор неоднократно говорит о том, что все создаваемые материалы должны регистрироваться даже в нескольких видах документов, с указанием не только даты съемки, но и времени, погодных условий, характеристики фототехники и фотоматериалов и многой другой информации. Имеется и описание методов маркировки фотоматериала.

Существуют примеры опытов с фотосъемкой в 1930-е гг. Например, методика ортогональной съемки, описанная в работе Н.П. Тихонова и применявшаяся при раскопках в селе Пушкири в 1932–1933 гг., проиллюстрированная в статье М.Я. Рудинского [Рудинский 1947], выглядит новаторской, полезной и информативной. Способ фиксации расположения находок на площади раскопа с использованием вышек явно позаимствован у топографов и не фигурирует в археологических методиках.

У К.М. Поликарповича, бесспорно, было понимание того, как следует проводить фиксацию этапов работы и основных комплексов находок, однако в целом результат съемки выглядит не вполне продуманным, а методы фотоработы исследователя представляются устаревшими и недостаточно профессиональными. Отсутствие четкой методики, регламентирующей, что и как снимать в конкретной ситуации, не только усложняло задачу, но и не давало почвы для размышления и анализа своих действий. Недостаток детальной информации сужает рамки дальнейшего использования регистрирующего документа. Получаемый материал не унифицирован, его сложно сравнивать с фотодокументами других экспедиций, поэтому извлекаемая информация и поле ее использования остается на уровне личностных представлений. И несмотря на то, что археологическая фотография статична, в отличие, например, от исторической и этнографической, границы ее использования также трактуются индивидуальным пониманием возможностей визуального документа и субъективным видением индивида.

Большинство кадров 1935–1936 гг. выполнены с высоких точек — например, с края раскопа. В дневнике только в одном случае имеется запись, что фотоснимки сделаны с малого расстояния [Поликарпович 1936: 22]. Таким образом, съемка чаще всего проводилась сверху и под углом к поверхности земли, что не позволяет точно сориентировать находки в пространстве из-за образующихся параллаксов. Когда отдельные объекты изображены крупным планом, можно предположить, что они также сняты с дальних расстояний. И это при общем недостаточном профессионализме фотографов отразилось на качестве фиксации. Конечно, все находки должны быть нанесены на план, в порядке их расположения. Но фотография нередко точнее отражает реальность, к тому же это — важный дополнительный источник.

Проводившиеся съемки, в общем, однотипны, и можно выделить несколько групп материалов. Представлены этапы работы — от закладки рас-

копа до снятия последних находок со слоя — и видна технология проведения и сбора материалов. Можно проследить, какими инструментами пользовались при раскопках, как консервировали находки с помощью гипса, чтобы предохранить их от деструкции, как они передвигались или поднимались с помощью подпорок над слоем.

Имеется несколько видовых кадров, которые позволяют сориентировать нахождение раскопа в пространстве и показывают окружающую обстановку. Зафиксированы общие виды площади раскопа, отдельные детали раскопа или квадраты по одному и группами, а также находки *in situ*. Вне раскопа находки, снятые со слоя, не фотографировали.

Фотографии фиксировали как пустой раскоп, так и работающих на нем людей. В своих дневниках К.М. Поликарпович почти ежедневно отмечал, сколько человек работало на раскопе, причем уточнял количество подростков и взрослых. К сожалению, материалы зафиксированы в разбросанном виде, и мы только приблизительно можем предполагать, кто из упоминающихся в дневнике персонажей попал на ту или иную фотографию. Из дневниковых записей и фотографий видно, что основными работниками были подростки лет 12–15. Работали они на раскопках не по одному дню (на разных снимках повторяются одни и те же лица). Также и тогда, когда в школах уже шли занятия: в 1935 г. работы велись до 29 сентября, в 1936 г. — до 10 октября. На фотографиях видно (рис. 4), что в теплые летние дни дети одеты легко — на ребятах свободные рубахи, девочки в платьях или кофтах с юбками, на головах одинаковые платочки. Все — босиком. Когда стало прохладнее, дети переоделись в длиннополую теплую одежду, фуфайки, что-то похожее на халаты. В эти же рабочие дни, как следует из записей, из близлежащих поселений часто приезжали организованные группы школьников, для которых К.М. Поликарпович проводил экскурсии и читал лекции. Не совсем понятно, кто же были те дети, которые трудились на раскопках вместо того, чтобы учиться в школе...

Рис. 4. Общий вид северной части раскопа № 2 в начале раскопок. Снято во время работы с юга. 1936. МАЭ И 792-12

Fig. 4. General view of the north part of the excavation area № 2 at the beginning of the excavations. Photographed at the time of the excavations from the south side. 1936. MAE И 792-12

Благодаря отдельным подробным описаниям можно коррелировать некоторые находки (например, при указании номера крупной находки в описи) с ее положением в пространстве на слое. Любопытно, что отсылки к номерам находок даны в основном на негативах 1935 г. Возможно, коллекция 1935 г. к 1938 г. (когда составлялась опись) была лучше обработана, поэтому исследователь смог дать привязки (табл. 2).

Таким образом, исследователи могут использовать фотоматериал не только для определения места находки и ее расположения относительно других объектов. Фотография дает наглядную визуальную информацию и дополняет описания, особенно в тех случаях, когда тексты неточные или краткие. Она позволяет увидеть слоистость и наложение предметов, помогает проводить переразбику объектов и их назначения в зави-

Таблица 2. Пример описания изображения с указанием номеров находок

Номер	Описание
МАЭ И 792-163	Общий вид раскопа № 1, первая половина раскопок. Справа на снимке вверху бедро № 692, за ним таз № 696. Снято с северо-запада. Снимок аналогичен негативу № 133, сделан позже. Видны 2 больших черепа — №№ 598 (слева) и 718 (справа).
МАЭ И 792-63	Северная часть раскопа № 2. Нижняя челюсть мамонта с квадрата № 19. (№ 1330)

симости от места обнаружения. На фотоизображениях предметно просматриваются постулируемые в новых исследованиях [Хлопачев, Полковникова 2017] конструкции, такие как «крут», сооружения из черепов и костей с очагом, а также сохраняется контекст наполнения ям с индивидуальными находками (чуринги, женская статуэтка и пр.).

Как уже отмечалось выше, часть фотоматериалов многолетних раскопок как в деревне Елисеевичи, так и в селе Юдиново находится на хранении в фондах МАЭ РАН и в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси. Однако часть наследия оказалась разбросанной по другим профильным организациям. По-видимому, значительное количество фотоданных можно обнаружить в отчетах о работе. Так, например, целый альбом с фотографиями к отчету о раскопках за 1935–1936, 1946, 1948 гг. находится в ИА РАН [Величко и др. 1997: 11]. Сомнительно, чтобы отчеты представляли полную картину визуальных документов, полученных в экспедициях: они в первую очередь имеют своей целью иллюстрирование информационных тезисов отчета. Часть материалов находится также в Брянском государственном краеведческом музее и в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Можно предположить, что фотодокументы в этих организациях представлены фрагментарно, так как от исследователей не требовали полной сдачи всего комплекса документации по проводившимся раскопкам.

ФОТОДОКУМЕНТЫ В ЦНА НАН БЕЛАРУСИ

Обработка материалов ЦНА НАН Беларуси позволила сопоставить их с коллекцией МАЭ. Визуальные документы хранятся в личном фонде Владимира Дмитриевича Будько, где представлены как материалы самого исследователя, так и наследие К.М. Поликарповича. Здесь находятся документы по раскопкам в деревне Елисеевичи (1935–1936, 1963, 1965 гг.) и в селе Юдиново (1947, 1961–1962, 1964, 1966 гг.). Оба эти памятника начинал копать К.М. Поликарпович

и продолжил его ученик В.Д. Будько. Характеризуя фонд, следует отметить, что не только фотоматериалы, но и все материалы раскопок не сформированы в каком-либо определенном порядке и не объединены тематически — это просто папки с документами, которые удалось вывезти после смерти В.Д. Будько из его дома. Соответственно, и фотоматериалы представлены в таком же несистематизированном виде, что усложняет объединение материалов по годам и памятникам. Значительная часть визуальных документов не имеет никакой атрибуции, и поэтому определить место съемки и год возможно только предположительно, в большинстве случаев по аналогии с подписанными изображениями или при хорошем знании памятника исследователем. Фотокомплексы представлены не полностью, так как материалов немного, и в сравнении с фотосъемкой 1935–1936 гг. объем данных, представленных в архиве, небольшой. Сомнительно, чтобы в послевоенных исследованиях снимали меньше, чем ранее. К тому же эти фотографии значительно более высокого качества, а качество сохранившейся сопроводительной документации на порядок выше довоенной. Это позволило бы при наличии более полного комплекса визуальных данных не только значительно расширить источниковую базу, но и провести сравнения визуальных документов разных лет и оценить методику фотоработы.

Среди документов ЦНА НАН Беларуси находятся два фотодневника. Первый, за 1947 г., включает фотоматериалы, выполненные исследователем археологических памятников Брянской области Ф.М. Заверняевым [Заверняев 1947]. В нем по списку значится 310 снимков. Где находится этот комплекс фотографий и сохранился ли он полностью, точно неизвестно, возможно, он мог сохраниться в Брянском государственном краеведческом музее. Второй дневник [Список негативов...1948] предположительно относится к 1948 г., титульная надпись почти нечитаема. Он условно атрибутирован на основании хорошо просматриваемого фрагмента текста «Жирятинский сельсовет» и по фа-

миллиам участников экспедиции. Однако самих материалов этих раскопок 1948 г., так же как и документов 1946 г., в ЦНА НАН Беларуси не обнаружено. Записи в этих дневниках достаточно информативны, в них указаны точные даты съемки, зафиксированный сюжет, размер кадра и фамилия фотографа.

Нам удалось дополнительно посмотреть дневник работ 1947 г. (раскопки Юдиново) [Поликарпович 1947: 9], и было интересно сравнить изменения в характере записи, так как в нем информация о фотоработе предоставлена более подробно, чем в довоенных записях. В 1947 г. снимали на два фотоаппарата: Ф.М. Заверняев использовал «Фотокор» с негативами 9 × 12 см, а К.М. Поликарпович работал «Фохтлендером» с пленкой Агфа 4,5 × 6 см. В погребе было оборудовано темное помещение, где Ф.М. Заверняев занимался проявлением. Возможно, что в фонде белорусского архива представлена часть материалов из съемок Ф.М. Заверняева, так как в подписях к фотографиям, сделанным в 1947 г. в Юдиново, имеются номера. И хотя описания снимков не совпадают точно с записями в фотодневнике, в пользу того, что это именно изображения, снятые на «Фотокор», говорит соотношение сторон у отпечатков — 3:4 (негатив 9 × 12 см), так как негатив Агфа (4,5 × 6 см) дал бы другое соотношение сторон. Надо отметить, что качество самих фотоснимков достаточно хорошее, хотя, возможно, это специально отобранные материалы.

Материалы раскопок 1960-х гг. представляют комплекс документов уже другого уровня. Технически они изготовлены очень качественно, на них хорошо просматриваются содержание слоя и расположение находок. Однако атрибутированы они также достаточно слабо. Прокомментированы только отдельные изображения, по аналогии с которыми удалось идентифицировать часть документов и определить год и место раскопок.

Таким образом, материалы из ЦНА НАН Беларуси не представляют единого комплекса, который можно полноценно проанализировать. К тому же, если верить записям фотодневников,

значительная часть материалов не обнаружена и, возможно, уже утрачена.

Два рассмотренных комплекса документов — из фонда МАЭ РАН и ЦНА НАН Беларуси — предоставляют не только визуальный материал для исследований памятника, но и показывают возможности фиксации хода раскопок и их методологию, различные технические нюансы и общую обстановку в процессе работ. Они также дают представление об особенностях собраний в различных научных учреждениях и о подходах к собиранию, отчетности и степени ответственности самих ученых. Эти коллекции являются хорошим примером отношения государственных организаций и общества в целом к документированию работы и сохранению научного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на все отмеченные выше недостатки коллекции МАЭ И 792 — невысокое качество съемки и ряд недочетов в работе собирателя при создании и архивации данной коллекции, на сегодняшний день это единственный фонд, который полностью описан, сохранился без утрат и вписан в научный контекст. Коллекция, представляющая визуальные документы по ранним раскопкам палеолитического памятника Елисеевичи, является полноценным комплексом данных для изучения и иллюстрирования исследований. Уже упомянутое письмо руководства МАЭ К.М. Поликарповичу с требованием сдать материалы, несомненно, послужило на пользу сохранению документов. Можно предположить, что исследования последующих лет К.М. Поликарповича и В.Д. Будько были представлены в лучшем случае отчетами о проведении раскопок. А так как сдать весь комплекс находок и сопроводительных документов тогда не требовали, их научное наследие на сегодняшний день оказалось представлено неполными разрозненными документами, не составляющими единого комплекса, что потребует от будущих исследователей значительных усилий при обработке того, что удалось сохранить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Заверняев 1947.* Заверняев Ф.М. Список фотонегативов. 1947 г. ЦНА НАН Беларуси. Архив Будько В.Д. Папка № 53. 12 л.
- Записка Поликарповичу 1938.* Записка К.М. Поликарповичу. 1938 г. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1938. Д. 31. 145 л.
- Опись коллекции... 1938.* Опись коллекции МАЭ И 792. 1938. 12 л.
- Поликарпович 1935.* Поликарпович К.М. Дневник раскопок. Елисеевичи. 1935 г. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 734. 76 л.
- Поликарпович 1936.* Поликарпович К.М. Дневник раскопок. Елисеевичи. 1936 г. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 735. 116 л.
- Поликарпович 1947.* Поликарпович К.М. Дневник работ археологической экспедиции Института истории академии наук БССР. Юдиново. 1947 г. ЦНА НАН Беларуси. Архив Будько В.Д. Тетрадь № 15. 96 л.
- Список негативов... 1948.* Список негативов, снятых при раскопках палеолитической стоянки в д. Елисеевичах. 1948 г. ЦНА НАН Беларуси. Архив Будько В.Д. Тетрадь № 11. 3 л.
- Величко и др. 1997.* Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. — М.: ГИМ, 1997. — 192 с.
- Дудин 1923.* Дудин С.М. Фотография в научных поездках // Краеведение. — 1923. — № 1. — С. 31–46.
- Рудинский 1947.* Рудинский М.Я. Пушкиари. (Материалы к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкиари Новгород-Северского района на Черниговщине) // СА. — 1947. — Вып. IX. — С. 171–198.
- Тихонов 1932.* Тихонов Н.П. Фотография в полевой работе. — Л.: ГАИМК, 1932. — 134 с.
- Хлопачев 2006.* Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб., 2006. — 262 с.
- Хлопачев, Полковникова 2017.* Хлопачев Г.А., Полковникова М.Э. Структура центральной части палеолитической стоянки Елисеевичи 1: опыт реконструкции на основе полевой документации К.М. Поликарповича // Каменный век российско-белорусского порубежья. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — С. 3–20. (Замятнинский сборник. Вып. 5).

REFERENCES

- Dudin, S.M., *Fotografii v nauchnykh poezdках* [Photography on Scientific Journeys], in: *Kraevedenie*, 1923, no. 1, pp. 31–46, (in Russian).
- Khlopachev, G.A., *Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy* [The Tusk Industries of the Upper Paleolithic of Eastern Europe], St. Petersburg, 2006, 262 p., (in Russian).
- Khlopachev, G.A., Polkovnikova, M.E., *Struktura tsentral'noi chasti paleoliticheskoi stoianki Eliseevichi 1: opyt rekonstruktsii na osnove polevoi dokumentatsii K.M. Polikarpovicha* [The Structure of the Central Part of the Paleolithic Site Eliseevich 1: Experience of Reconstruction Based on K.M. Polikarpovich's Field Documentation], in: *Kamennyi vek rossiisko-belorusskogo porubezh'ia (Zamiatninskii sbornik, vol. 5)*, St. Petersburg: MAE RAN, 2017, pp. 3–20, (in Russian).
- Rudinskii, M.Ia., Pushkari (Materialy k istorii izuchenii paleoliticheskikh stoianok u s. Pushkari Novgorod-Severskogo raiona na Chernigovshchine) [Pushkari (Materials on the History of the Study of Paleolithic Sites Near the Village of Pushkari, Novgorod-Seversky District, Chernihiv Region)], in: *Sovetskaia arkhelogiia*, 1947, vol. IX, pp. 171–198, (in Russian).
- Tikhonov, N.P., *Fotografii v polevoi rabote* [Photography in Field Work], Leningrad: GAIMK, 1932, 134 p., (in Russian).
- Velichko, A.A., Grekhova, L.V., Gribchenko, Iu.N., Kurenkova, E.I., *Pervobytnyi chelovek v ekstremal'nykh usloviakh sredy. Stoianka Eliseevichi* [Primitive Man in Extreme Environmental Conditions. Stoyanka Eliseevichi], Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 1997, 192 p., (in Russian).